

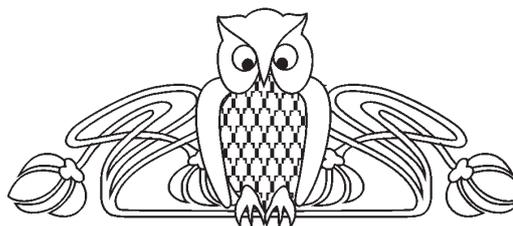

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 313–319
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 313–319
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-313-319>

Научная статья
УДК 821.161.1.09-6+929[Федин+Полонская]

Е. Г. Полонская и К. А. Федин: к истории взаимоотношений

М. В. Григорьева

¹Государственный музей К. А. Федина, Россия, 410002, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 154

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Григорьева Мария Валерьевна, ¹заместитель директора по научной работе, ²аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, maria.grig2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0580-6348>

Аннотация. В статье анализируется переписка Е. Г. Полонской и К. А. Федина – участников литературной группы «Серапионовы братья», образовавшейся в Петрограде в 1921 г. Короткий, но яркий период существования содружества до сих пор интересует многих исследователей. Особенно актуальным становится изучение документальных источников, позволяющих заполнить фактологические лакуны в истории как самого Серапионова братства, так и взаимоотношений его отдельных членов. Автор статьи привлекает ранее не публиковавшиеся материалы из архива К. А. Федина и на их основе рассматривает, как отражается «серапионовская» тема в эпистолярной Полонской и Федина 1925–1968 гг. Особенно интересным представляется письмо Полонской 1925 г.: написанное в период активной деятельности «Серапионовых братьев», оно отражает актуальный авторский взгляд на события литературной жизни 1920-х гг. Основной массив переписки охватывает период конца 1950-х – начала 1960-х гг. В это время Полонская начинает работать над воспоминаниями, часть которых посвящает «Серапионовым братьям»: Константину Федину и Михаилу Зощенко. Впервые она публикует их в 1963 г. в Ученых записках Тартуского государственного университета. Присланная Федину для ознакомления перед публикацией рукопись становится для корреспондентов отправной точкой в разговоре об уникальности мемуарного жанра, о возрождении интереса к Серапионам и о будущих исследованиях. Сквозной темой всех писем являются чувство принадлежности к Серапионову братству, ощущение дружеской поддержки на протяжении многих лет и значимость этого для каждого из них.

Ключевые слова: Е. Полонская, К. Федин, Серапионовы братья, эпистолярный, советская литература

Для цитирования: Григорьева М. В. Е. Г. Полонская и К. А. Федин: к истории взаимоотношений // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 313–319. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-313-319>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

E. G. Polonskaya and K. A. Fedin: To the history of the relationship

M. V. Grigoryeva

State Museum of K. A. Fedin, 154 Chernyshevskogo St., Saratov 410002, Russia

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria V. Grigoryeva, maria.grig2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0580-6348>

Abstract. The article analyzes the correspondence of E. G. Polonskaya and K. A. Fedin, members of the literary group Serapion Brothers, formed in Petrograd in 1921. The short but bright period of the existence of the association is still of interest to many researchers. Particularly relevant is the study of documentary sources, which make it possible to fill in the factual gaps in the history of both the Serapion fraternity itself and the relationships of its individual members. The author of the article draws on previously unpublished materials from the archive of K. A. Fedin and on their basis considers how the theme of Serapion is reflected in the epistolary of Polonskaya and Fedin of 1925–1968. Of a particular interest is Polonskaya's letter of 1925: written during the active work of Serapion Brothers, it reflects the current view of the author on the events of the literary life of the 1920s. The bulk of the correspondence covers the period of the late 1950s – early 1960s. At this time, Polonskaya begins to work on her memoirs, some of which she dedicates to the Serapion Brothers: Konstantin Fedin and Mikhail Zoshchenko. She first publishes them in 1963 in the Academic Proceedings of the Tartu State University. The manuscript sent to Fedin for review before publication becomes for the correspondents the starting point of a conversation about the uniqueness of the memoir genre, about the revival of interest in the Serapions, and about future research. The recurring theme of all letters is the feeling of belonging to the Serapion fraternity, friendly support over the years and the significance of this for each of them.

Keywords: E. Polonskaya, K. Fedin, Serapion Brothers, epistolary, Soviet literature

For citation: Grigoryeva M. V. E. G. Polonskaya and K. A. Fedin: To the history of the relationship. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 313–319 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-313-319>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Про литературную группу «Серапионовы братья» исследователями написано многое: изучены личные и творческие биографии входивших в нее прозаиков и поэтов, их воспоминания, взаимоотношения, опубликована переписка отдельных участников. Среди членов содружества была и Елизавета Григорьевна Полонская – единственная «сестра» среди «Серапионовых братьев», поэтесса, ярко заявившая о себе в начале 1920-х гг. сборниками «Знамя» (1921) и «Под каменным дождем» (1923). Однако интерес к ней критиков постепенно угас: с 1930–1940-х гг. Полонская постепенно отходила в тень, занимаясь в большей степени переводами иностранных авторов. Между тем изучение связанных с ней личных документов представляется крайне интересным, так как позволяет проследить, в частности, историю Серапионовского братства вплоть до конца 1960-х гг.

В архиве К. А. Фебина сохранилось 25 писем Е. Г. Полонской. Они охватывают значительный период – с 1925 по 1968 г. Широкий диапазон зафиксированных в них событий, размыслений, воспоминаний. Выявленных ответных писем Фебина – еще меньше: все они относятся к 1950–1960-м гг. Шесть писем из архива Полонской опубликованы Б. Фрезинским [1, с. 376–380], а копии еще двух сохранились в архиве самого Фебина. В данной статье мы рассмотрим, как отражается «серапионовская» тема в их переписке.

Самое раннее из писем Полонской датировано 21 июля 1925 г. Оно единственное написано в период существования группы «Серапионовы братья». Тем ценнее фактологическая сторона этого документа.

Летом 1925 г. Фебин гостил у своего друга И. С. Соколова-Микитова в деревне Кислово Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Там он восстанавливался после болезни, изучал новую деревенскую жизнь и продолжал активно работать. Полонская начинает письмо с присущим ей юмором: «На деревню – Федину. Дорогой Фебин, алло! алло!» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 21 июля 1925 г., ГМФ 34915)¹ – и этим противопоставлением «далекая глушь – телефон» сразу подчеркивает непривычность сельской обстановки для истинного франтоватого горожанина, каким был Константин Александрович. «Слышала, что Вы заболели и ужасно огорчилась. Надеюсь, что эта болезнь естественная и называется “*graviditas scriptorum*”². Не надо только перена-

шивать – это вредно и для отца, и для ребенка» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 21 июля 1925 г., ГМФ 34915).

Создается впечатление, что Полонская осведомленно намекает на какую-то крупную новую вещь, над которой работал Фебин. Между тем предыдущий год был ознаменован выходом в свет романа «Города и годы», сразу же завоевавшего огромную популярность. Реакция критики на него была неоднозначной, но, несмотря на это, на Фебина обрушился поток предложений о переводах книги на разные иностранные языки, даже эсперанто. Константин Александрович действительно плохо себя чувствовал физически и морально, поэтому возлагал на поездку в Кислово большие надежды, отправляясь, как он шутливо живописал сестре 27 мая 1925 г., «с женой, детьми, горшками и примусом <...> подальше от суеты, поближе к созерцанию» [2, с. 60]. Сообщая о своем решении приехать, 14 мая 1925 г. он писал Соколову-Микитову: «Работать все тяжелее. Поездка к тебе кажется мне чем-то целебным, я очень, очень устал» [3, с. 85]. В 1925 г. Фебин уже начал работать над «Кавказскими рассказами» (позднее переименованными автором в «Абхазские рассказы» (М.; Л., 1927)).

О работе Фебина над следующей крупной вещью – вторым романом «Братья» – мы впервые узнаем 24 октября 1926 г. из его письма сестре Александре, где он оправдывается за свое молчание и пишет, что «продал свою душу дьяволу во образе ежемесячного журнала, подрядившись дать большой роман на 1927 г.» [2, с. 84]. И сама Полонская упоминает его гораздо позже в письме М. Шагинян 21 августа 1927 г., когда дает беглый отчет о литературных новостях: «Фебин рождает “Братьев”. Роды трудные и благодарное население ожидает разрешения от бремени с терпением!» [1, с. 365].

Уже не подлежит сомнению вовлеченность Серапионов в творческий процесс всех братьев, их осведомленность о литературных планах друг друга. Она была высока, даже если эти планы и не воплощались в жизнь. 2 августа 1925 г. из Кислово Фебин писал редактору журнала «Красная Новь» А. К. Воронскому: «Живу здесь третий месяц, впитал в себя такое количество материала, что отяжелел, как губка от воды. Думаю о повести, о “Лете” – нечто вроде “Мертвых душ”, может быть, хотя другое» [2, с. 62]. Название «Лето», заявленное автором письма, вероятно, было следствием потрясения от встречи с необыкновенной красотой смоленской природы. Соколов-Микитов, зазывая Фебиных в гости, наказывал: «Только, ради Бога, не опаздывайте, не пропускайте цветущего лета» (подчеркнуто

¹ Здесь и далее даются ссылки на учетные номера предметов основного фонда Государственного музея К. А. Фебина.

² Лат. *graviditas scriptorium* – беременность писателей.

Соколовым-Микитовым. – М. Г.). В 1920-х гг. задуманная Фединым повесть не была написана, но много лет спустя образ «Необыкновенного лета» обрел воплощение в заглавии одного из романов трилогии Федина.

Свое письмо Полонская пишет на бланке Ленинградского отделения Государственного издательства. В адресе, указанном в шапке документа, она зачеркивает слово «редакция» и вписывает вместо него слово «комната», характеризуя тем самым положение дел «на литературном фронте»: «У нас здесь безлюдь, мертвь и безденежь. Ленгиз похож на клетку сдохшего зверя. Илья <Груздев> сидит грустный и обстоятельно отвечает на все вопросы» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 21 июля 1925 г., ГМФ 34915). Речь, в первую очередь, идет о ситуации с издававшимся в Ленгизе в 1925–1926 гг. литературно-художественным альманахом «Ковш», который современниками воспринимался как истинно «серапионовское начинание». В редколлегия альманаха входили трое Серапионов: К. А. Федина, М. Л. Слонимский, И. А. Груздев. Последний в письме Федину от 21 июля 1925 г. (написанном на таком же бланке, как и письмо Полонской) описывает ситуацию с альманахом как катастрофическую, объясняя это резким сокращением тиража и, как следствие, повышением цены выпуска более чем в два раза: «Ионов¹ приказал снизить цену до 2 р. 20 коп., а издание прекратить!» [4, с. 69]. Тем не менее, свет увидели еще третья и четвертая книги этого альманаха. За всю краткую историю его существования в нем были опубликованы произведения почти всех Серапионов: М. М. Зощенко, Н. С. Тихонова, М. Л. Слонимского, К. А. Федина, Н. Н. Никитина, В. А. Каверина, Е. Г. Полонской.

Еще одна загадка письма Полонской скрывается в заключительных строках: «Черкните-ка мне письмо, хотя это и против Серапионовских традиций!» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 21 июля 1925 г., ГМФ 34915). Нам пока не удалось выяснить, что за традиции она имела в виду, так как установлено, что Серапионы активно переписывались с момента образования группы и друг с другом, и с уехавшим затем на лечение Л. Н. Лунцем, а также с М. Горьким, Е. И. Замятиным, А. М. Ремизовым. Подтверждением этому служит опубликованная переписка Федина с Вс. В. Ивановым [5], М. М. Зощенко [6, с. 331–370], М. Л. Слонимским [7, с. 336–690], В. В. Познером [7,

с. 283–335] и другими, а также письма К. А. Федину от Н. Н. Никитина [8], И. А. Груздева [4].

«Серапионовская тема» снова становится заметной уже в поздних письмах Полонской.

28 декабря 1953 г. она пишет: «Вчера у меня был некий молодой человек (фамилия его, кажется, Ширмочкин) и сказал, что пишет о Вас книгу (очевидно, диссертацию), для чего ему необходимо было бы узнать внутренние отношения между Серапионами, ибо все остальное о Вас он уже знает и все напечатанное прочитал.

Я была несколько смущена его намерениями и сказала ему, что это вопросы, которые будут освещаться лет через 100. На что он весьма резонно мне ответил, что тогда он не сможет зайти ко мне, и развел руками» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 28 декабря 1953 г., ГМФ 34918).

Речь идет о Павле Петровиче Ширмакове, аспиранте, а позднее научном сотруднике Института русской литературы (Пушкинского Дома). С начала 1950-х гг. он работал над изучением творчества Константина Александровича и в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию «Творчество К. А. Федина в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства (1918–1924)». В архиве К. А. Федина сохранился экземпляр автореферата с дарственной надписью: «Дорогому Константину Александровичу автор. 2.XII.55 г.» [9, с. 1].

В письмах молодой ученый излагал свои мысли о героях произведений Федина, о недостаточности анализа в критических работах своих предшественников. Кроме того, он неоднократно просил писателя о встрече, собираясь обсудить какие-то важные вопросы, но документальных подтверждений тому, что такая встреча состоялась, найти не удалось. Из писем явственно следует, что первоначальный план работы Ширмакова охватывал период творчества Федина вплоть до начала 1950 г., но затем исследователь существенно ограничил временные рамки.

В самом начале автореферата мы читаем: «К. А. Федина испытал немалые трудности в своем развитии, преодолевая чуждые нашей литературе влияния» [9, с. 1]. Этому «чуждому влиянию» и посвящена вторая глава его работы – рассказу о существовании Федина в литературной группе «Серапионовы братья». Очень скупо рассказывая о Серапионах, «имевших целью увести литературу на путь безыдейности и аполитизма», автор подчеркивает, что, вступив в группу, Федина сразу же «занял особую позицию, разойдясь с наиболее “правоверными” “серапионами” по вопросам об общественном назначении литературы и

¹ Ионов И. И. (наст. фам. Бернштейн; 1887–1942) – революционер, издательский работник, поэт. В 1924–1925 гг. возглавлял Ленинградское отделение Госиздата.

отношении к классическому наследию» [9, с. 10]. Тем самым Ширмаков вывел актуальный для внутренних споров группы конфликт с формалистами за область чистого творчества, превратил его исключительно в идеологический. «Постепенное освобождение Федина от “серапионовского” влияния было победой в его творчестве горьковского начала, торжеством правды жизни» [9, с. 11]. Собирая аргументы для подтверждения своей теории, молодой исследователь акцентирует внимание именно на тех произведениях Федина, которые Братьями были приняты неодобрительно, а при упоминании других искажает основу авторской идеи и смещает смысловой акцент в сторону «рисования страшного мира прошлого, где процветали нравственные уроды...» [9, с. 12]. Недостаточное изображение Фединым новых революционных сил общества полностью вписывается Ширмаковым в «порочную эстетику “Серапионовых братьев”» [9, с. 12].

Мы думаем, что именно этим объясняется желание автора узнать у Полонской всю «подноготную» внутренних конфликтов Серапионов. Ширмаков не удалось собрать материал о частных проявлениях их внутренних споров, поэтому в своей диссертации он ограничился лишь общими фразами.

Во многих письмах Полонской Федину 1950–1960-х гг. присутствуют незначительные детали и намеки, так или иначе указывающие на причастность к Серапионову братству. «Вы остались тем же молодым Фединым, каким я Вас знавала когда-то “на заре туманной юности”» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 1 марта 1952 г., ГМФ 6720/19); «Благодарю за внимание. Брату-пустыннику и сестре-пустыннице оно тоже бывает необходимо, а главное приятно» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 13 апреля 1957 г., ГМФ 34921); «Пишу об этом не как Серапионова сестра, а как читатель»; «Вот и пожаловалась Вам как Серапионову брату на редакторов-издателей!» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 20 декабря 1961 г., ГМФ 4460/1); «Увы, и Ваша Серапионова Сестра не была на этом празднике...» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 28 февраля 1967 г., ГМФ 34934) и т.п. Свою книгу «Стихотворения и поэма», вышедшую в Ленинграде в 1960 г., Полонская подписала Федину «На память о серапионовой сестре». Мы узнаем об этом из ее письма от 18 июля 1961 г.: «Месяца три тому назад, из Комарова я послала Вам книгу своих стихов. Мне хотелось, чтобы она у Вас была и чтобы вы ее просмотрели <...> Получили ли Вы ее? Не стала бы спрашивать, зная Вашу давнюю привычку отвечать на письма. Но на

днях мне пришла странная мысль: быть может я не подписала книги, а только обозначила – на память о серапионовой сестре – ! Если это так, прошу меня извинить» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 18 июля 1961 г., ГМФ 34922). В настоящее время книга в архиве писателя не выявлена, но мы знаем о том, что он получил этот экземпляр и 16 ноября 1961 г. поблагодарил Полонскую за ее дар: «Милая Серапионовская сестра Елизавета Григорьевна! Спасибо Вам Братское за память – за книгу <...> Я очень рад, что вышла эта Ваша книга – ответ неумирающих чувств, которые зажгли и продержали нашу дружбу в котле бурь и туманов целое соколатетие» [1, с. 377].

Дружба между Серапионами (справедливости ради скажем, не всеми) продолжалась и много лет спустя после того, как содружество прекратило свое существование. Хотя последний раз Серапионы праздновали годовщину образования группы в 1929 г., время от времени 1 февраля, в день образования Братства, они собирались вместе. В дневниках 1957 г. Федин вспоминает один из таких вечеров: «Февраль. 1-го числа – у Всеволода <Иванова>. Были Ел. Полонская, Каверин с Лид<ией> Ник<олаевной>¹. Со мной – Нина². Каверин прочитал главу воспоминаний. Это о Лунце и Зоценке, немного о себе. Всем понравилось. <...> Вечер оставил по себе хорошее чувство, и я рад» [10, с. 420].

Если не было возможности встретиться лично – поздравляли друг друга в письмах и телеграммах, передавали приветы другим участникам.

Атмосфера «оттепели» конца 1950-х гг. подтолкнула Полонскую к работе над воспоминаниями. Начав с раннего детства и школьных лет, пережив заново революционную юность в Петербурге и Париже, она подошла к 1920-м гг. 20 декабря 1961 г. Полонская пишет Федину: «Я и сама, при всей моей лени, спешу записать хоть что-нибудь из того, что видела на веку. Мне кажется, что я в долгу перед многими людьми, ведь столько жизней прожито мною за мою одну жизнь. Не знаю еще, что буду делать с написанным. Читаю Александру Григорьевичу³, и он пока мой единственный критик» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 20 декабря 1961 г., ГМФ 4460/1).

В скором времени замысел приобрел общую оформленность: Полонская стала писать

¹ Тьянова Лидия Николаевна (1902–1984) – писатель, жена В. А. Каверина.

² Федина Нина Константиновна (1922–2018) – актриса, дочь К. А. Федина.

³ Мовшенсон Александр Григорьевич (1895–1965) – театровед, брат Е. Г. Полонской.

короткие отрывки, посвященные встречам со значимыми для нее людьми. Так, в 1962 г. в Пушкинском Доме на вечере, посвященном 70-летию К. А. Фебина, Полонская впервые прочитала свои воспоминания о знакомстве с Константином Александровичем. В письме от 5 декабря 1962 г. она рассказывает Федину о том, как прошел вечер, как силами его «ленинградских друзей» была организована выставка, на которой представили редкие издания его книг, фотографии и рукописи. «Теперь посылаю Вам, дорогой Константин Александрович, те несколько страничек, которые когда-нибудь войдут в мои воспоминания, и прошу прочесть их. У меня просили эти воспоминания для «Записок Тартуского университета». Если Вы не возражаете, я пошлю их в Тарту и добавлю к моим воспоминаниям о встречах с Мишей Зоценко, которые я им уже дала в прошлом году. Из Серапионов я показывала их Слонимскому, а он, как присяжный редактор, вычеркнул кое-какие строки, которые я сразу же восстановила в прежнем виде. Если будет у Вас время и охота, напишите, согласны ли Вы, чтобы воспоминания о Вас были напечатаны так, как Вы их прочтете в прилагаемой рукописи» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 5 декабря 1962 г., ГМФ 34924). По сохранившейся в архиве писателя рукописи (Полонская Е. Г. О Константине Федине. 1963, ГМФ 15147) видно, что Федин не сделал в тексте ни единой правки. В ответном письме от 10 декабря 1962 г. он объясняет свое решение: «Само собой, я ничего не имею против того, чтобы Вы послали Тартускому университету страницы воспоминаний, посвященных нашему знакомству.

Уже не сегодня и не вчера начался счет пятому десятку лет с того времени, когда зародилась серапионовская литература на углу Мойки и Невского. Да и себе я уже замерил почин восьмого. И разве поручишься за крепость памяти, когда ушло такое множество событий в прошлое, и наш численник так поистрепался?

Мне кажутся серапионовские календы в такой последовательности, Вам – в другой. И я не взялся бы «редактировать» Вашу память и понимаю Вас, когда Вы не соглашаетесь с «редактором» М. Слонимским» (Федин К. А. Письмо Полонской Е. Г. от 10 декабря 1962 г., ГМФ 51798).

Воспоминания Полонской, напечатанные в VI выпуске «Ученых записок Тартуского университета. Трудов по русской и славянской филологии» включали в себя отрывки о Федине, Зоценко и Маршаке [11].

Полонская особенно подчеркивала, как важно для нее было написать о Зоценко, судьба

которого трагически осложнилась после Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 1946 г.: последовало исключение из Союза писателей и отлучение от литературы на многие годы.

Еще 2 февраля 1933 г. в дневниковой записи об очередной годовщине Братства Федин говорил о полной примиримости всех присутствующих на основе «единогласного признания исключительного дарования Зоценки»: «Его стараются “снизить” – измельчить, печатают в юмористических журнальчиках, чтобы он, кой грех, не поднялся до высоты большой, общественно-важной индивидуальности. А он – явление из ряда вон выходящее, очень значительное, <...> подымающееся до Гоголя. <...> Его стараются представить зубоскалом (и то, что он пишет, действительно неудержимо-смешно), мещанским “рупором”, а он – безжалостный сатирик и – мож<ет> быть – единственный в наши дни писатель с гражданским мужеством и человеческим голосом, без фистулы подобострастия. Мне показалось, что он переживет всех нас, и, вероятно, я не ошибаюсь...» [10, с. 63–64]. Федин внес свой вклад в восстановление имени Зоценко, публично признавая его мастерства и роли в литературе, включив главу о нем в свою книгу «Писатель. Искусство. Время» [12, с. 171–181]. Поэтому желание Полонской было ему очень близким, тем более что она уже писала о том, как трудно ей было устроить эти воспоминания и как она рада тому, что их взял именно Тартуский университет, в котором она сама училась и сдавала экзамены. Одобрительные письма прислали Полонской Каверин, Шкловский, Эренбург, Шагинян, Тихонов [13, с. 24]. Федин поддержал ее в письме от 1 июля 1964 г.: «Дорогой друг мой и сестра Елизавета Григорьевна! <...> Я получил “Уч<еные> записки Тартуск<ого> Унив<ерситета>” с Вашими воспоминаниями. Большущее спасибо. Центральная глава их – о Зоценке – лучшая во всех отношениях: хороши факты, точна, изящна характеристика, и Миша грустновато, но усмешливо проглядывает почти из каждого абзаца.

Поблагодарите от меня всех ученых, подпавших подаренный мне выпуск “Записок”. Скажите им, что мы очень ценим труды тартуских филологов и особенно все, что они делают для советской русской литературы» (Федин К. А. Письмо Полонской Е. Г. от 1 июля 1964 г., ГМФ 51799).

Последний абзац относился к сопроводительному письму Полонской к упоминаемому нами выпуску «Ученых записок». «Теперь они <редакторы> прислали мне номер своего журна-

ла, который просят переслать Вам, так как сами немного стесняются, боятся, что Вы не станете читать. Я их конечно разуверила в этой мысли и думаю, что может быть – Вы поддержите меня» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 10 декабря 1963 г., ГМФ 34926).

Экземпляр с надписью «Многоуважаемому Константину Александровичу Федину» [11, авантитул], подписанный членами редколлегии З. Г. Минц, Б. Ф. Егоровым, С. Г. Исаковым, В. И. Беззубовым и Ю. М. Лотманом, сохранился в архиве К. А. Федина.

Подчеркивая еще раз важность этой публикации для автора, приведем другой фрагмент из письма Полонской Федину от 29 июля 1964 г.: «Спасибо, что похвалили мой очерк о Мише Зощенко. Я очень обязана редакторам Записок Тартуского университета, что они напечатали его. И Федин, и Маршак написаны мною от души. Но главное, и Вы это поняли, напечатать Зощенко. Я передала этим молодым людям Вашу благодарность за то, что они делают для русской литературы. Они очень ценят Ваш отзыв. Все они питомцы Ленинградского университета, а некоторые Московского. Хочу в следующий номер дать им воспоминания о других людях, которых я знала. Но это пока проекты» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 29 июля 1964 г., ГМФ 34928).

Позднее Полонская написала о многих, посвятив отдельные главы Лунцу, Иванову, Никитину и «Серрапионовым братьям» вообще.

В 1966 г. Елизавета Григорьевна поздравила Федина с 45-летием Серрапионов: «Жаль, что города и годы¹ уже позади, пусть они вновь появятся и для Вас, и для меня» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 1 февраля 1966 г., ГМФ 34931).

Желая поддержать тяжело больную писательницу, Федин ответил ей 6 февраля 1966 г.: «Спасибо за первое февраля! До нашей золотой свадьбы² – еще пять лет. Давайте условимся непременно отпраздновать ее... А до того не будем забывать Первое февраля, как не забывали его все прошедшие годы» [1, с. 379].

Полонская ответила: «Спасибо Вам за письмо и за предложение заключить договор о праздновании золотой серрапионовой свадьбы.

*“И вырвал грешный мой язык,
И праздный, и лукавый...”*

¹ «Города и годы» – название романа К. А. Федина. Так же, по утверждению Б. Я. Фрезинского, это был один из вариантов названия книги мемуаров Е. Г. Полонской.

² Группа «Серрапионовы братья» образовалась 1 февраля 1921 г.

Не смею, дорогой брат, хоть и охота смертная» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 10 февраля 1966 г., ГМФ 34932).

Действительно, этот отказ был пророческим: Полонская скончалась в 1969 г., не дожив до 50-летнего юбилея такого дорогого ей Серрапионова братства. Но пророческими были и другие ее строки. Отвечая Федину на его замечания об уникальности восприятия мемуаров, она пишет: ««Серрапионовские календы», как Вы их назвали, понемногу выходят из-под пыли десятилетий. Настанет время, и новые Шлимань³ будут создавать себе имя на этих раскопках» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 17 декабря 1962 г., ГМФ 34925).

Хочется отметить, как точно уловила она родственность занятий археолога и исследователя литературы. Ведь поиск уникальных документов и их введение в научный оборот также дает возможность делать удивительные открытия. И многие факты, скрытые пока от глаз историков литературы, еще обогатят наши знания об истории «Серрапионовых братьев».

Список литературы

1. Фрезинский Б. Я. Судьбы Серрапионов : Портреты и сюжеты. СПб. : Академический проект, 2003. 595 с.
2. Федин К. А. Письмо Солониной А. А. от 27 мая 1925 г. // Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. Т. 11. Письма 1909–1977. М. : Художественная литература, 1986. 590 с.
3. «Свела нас Россия» : переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова 1922–1974 / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой ; сост. и вступ. ст. И. Э. Кабановой, подг. текста и коммент. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой, Т. И. Сыромятниковой. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. 498 с.
4. Письма И. А. Груздева К. А. Федину 1920–1930-х гг. / публ. О. П. Семенов и И. В. Ткачевой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов : Исследования и материалы / отв. ред. В. П. Муромский : в 2 кн. Кн. 2. СПб. : Наука, Ленинградское отд-ние, 2006. С. 67–82.
5. Письма Вс. В. Иванова К. А. Федину / вступ. ст., подг. текста и примеч. Е. А. Мазановой // Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 692–714.
6. Константин Федин и его современники : Из литературного наследия XX века / редкол. : И. Э. Кабанова (сост.) [и др.]. Кн. 1. М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН ; [Саратов] : Гос. музей К. А. Федина, 2016. 680 с.
7. Константин Федин и его современники : Из литературного наследия XX века / редкол. : И. Э. Кабанова

³ Шлиман Генрих (1822–1890) – археолог, получивший известность как первооткрыватель Трои.

- (сост.) и др. Кн. 2. М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН ; [Саратов] : Гос. музей К. А. Федина, 2018. 768 с.
8. Письма Н. Н. Никитина К. А. Федину 1920–1930-х гг. / публ. И. Э. Кабановой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов : Исследования и материалы / отв. ред. В. П. Муромский. Кн. 2. СПб. : Наука, Ленинградское отд-ние. С. 27–66.
9. Ширмаков П. П. Творчество К. А. Федина в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства (1918–1924) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 21 с.
10. Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. М. : Художественная литература, 1986. 623 с.
11. Полонская Е. Г. Из литературных воспоминаний // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Вып. VI. Тарту, 1963. С. 379–382.
12. Федин К. А. Писатель. Искусство. Время. М. : Советский писатель, 1957. 524 с.
13. Фрезинский Б. Я. Елизавета Полонская – ее жизнь и стихи, ее «Города и встречи» // Полонская Е. Г. Города и встречи. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 3–28.

Поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 10.02.2022